

МИТИНГ битломанов в Москве '80

40 лет назад, 8 декабря 1980 года, в Нью-Йорке – то ли из-за стремления прославиться, то ли от помешательства рассудка – Марк Чэпмен застрелил Джона Леннона, а 13 дней спустя в далекой холодной Москве на несанкционированный митинг (невидаль в СССР) вышла советская молодежь, чтобы почтить память великого битла.

Сотни людей – студенты, хиппи, любопытствующие – собрались воскресным утром 21 декабря на смотровой площадке Ленинских гор напротив Московского университета. Вероятно, от неожиданности и неготовности к подобным проявлениям народных чувств митинг сразу не разогнали, милиции поначалу практически не было, и собравшиеся вспоминали Леннона, клеймили убийцу и выступали за мир во всем мире, как и учил их кумир.

Позже участников все-таки скрутили и развезли по отделениям милиции, но никаких особых кар для нарушителей общественного порядка не последовало. В отделениях, по крайней мере в одном из них, демонстранты в ожидании допросов пели песни Beatles и даже, о чудо, случайно поймали их на имевшемся с собой радиоприемнике.

Одним из участников манифестации был будущий фотограф и тогдашний студент Московского института связи Борис Антонов – большая часть фотографий митинга принадлежат ему.

Антонов не относился ни к московской хипповской тусовке, ни к кругам прозападной (и, как правило, «золотой») молодежи, но со школы играл в рок-группе и слушал западный рок.

«Я жил на окраине, в Кунцево, в районе, где живут люди простых профессий. В моей среде не было не то что диссидентских настроений, а каких-то даже сомнений в том, что социалистический выбор, коммунизм – единственно правильное направление. Это в центре ребята, у которых отцы – кинооператоры, дипломаты, профессора, – золотая молодежь – были более раскованны, у них были джинсы, свежий диск Deep Purple, вчера напечатанный, и так далее. А мы были обычные советские ребята. Конечно, нам попадали какие-то пластинки, в 7-м классе, например, «Музыкальный калейдоскоп» №8, там среди прочих десяти песен была песня «Девушка» – вокально-инструментальный ансамбль, Англия, – но мы узнавали по своим каналам, что это Beatles. Или «Веселые ребята» спели песню про старенький автомобиль, мы тоже друг другу рассказывали, [кто это]».

«Самое острое впечатление, когда я столкнулся с Beatles, вообще с этой, совсем иной культурой – классе в седьмом-восьмом я зашел с Мишкой Крюковым, одноклассником, в магазин «Культтовары», это была сеть, где продавались пластинки, батарейки, фотоаппараты, тетрадки, там был отдел, где продавали магнитофоны, музыкальные центры. Тогда выбор был: один магнитофон и два музыкальных центра. Стояла, по-моему, «Эстония», с двумя колонками. А колонки – это... У нас дома радиоточка с динамиком, а тут две колонки. Два парня, которые торговали этим товаром, они были бластные, из-под полы дефицитом торговали, поставили альбом Abbey Road. Ну, мы еще не знали, что это Abbey Road, мы проходили мимо отдела, заглядывали скромно, потому что не по нашим доходам. Парень поставил «Come Together», на хорошем звуке, чтобы удивить всех. Мы даже как-то не уверены стали в себе, прижались друг к другу боками: «Пойдем, пойдем отсюда». Это был шок: вокруг Кобзон, Аида Ведищева, Валентина Толкунова. Году в 70-м примерно до нас доходить стали [записи]... У нас магнитофона даже не было, магнитофоны стали у ребят первые появляться в девятом классе, в 1971 году, и то у людей состоятельных. У нас

на 30 человек только у двоих».

Антонов – справа, с картинкой Led Zeppelin

В 8-м классе, говорит Антонов, у каждого уже должна была быть гитара, по крайней мере, каждый мальчик должен был попробовать играть. Гитары были чудовищные. Если в продаже были семиструнные, их переделывали под шесть: «Одну струну отрывали, и надо было немножко раздвинуть оставшиеся». «Мы с учительницей ездили иногда за город на теплоходе, от Речного вокзала час на «Ракете» или «Метеоре», человек 10–12, брали три гитары, и мы умели играть только квадрат рок-н-рольный».

Источниками знаний о том, как играть рок-н-ролл, были одноклассник Володя, обладатель магнитофона, и какие-то старшие ребята на даче, и иногда советское телевидение: «Например, передача «В объективе Америка» начиналась с

заставки с Can't Buy Me Love, там рассказывали, как тяжело живется американским трудящимся. Но нам было неважно, нам главное эти 20 секунд битловских».

«Группа была у нас уже в 9-м классе. Стали делать колонки, доставать усилители. Одно время у нас был даже радиодинамик-колокол, какие на столбах висели, «от советского информбюро». Гитара одна самодельная, одна настоящая. Иногда звукосниматели ставили на простые гитары, но это росло все быстро от концерта к концерту. Была «Музима» – ГДР, настоящая гитара. Бас-гитара сначала была самодельная, не помню, где мы ее взяли. Потом достали бас «Орфей» (болгарская версия бас-гитары Hoffner, на которой играл Пол Маккартни). Две гитары, иногда три: бас, ритм и соло. Барабаны поначалу были пионерскими, но к концу 9-го у нас уже было три барабана и тарелка, а в 10-м даже пробовали электрические барабаны, какие-то самопальные».

Антонов в группе играл на басы, «как обычно, кто не умеет ничего, тот на басы». «Какой-то беглости мы достигли через пару лет, пытались что-то копировать, слушали, что другие делают. Тогда на видео было не посмотреть, как Маккартни бежит по грифу: по телевизору не показывали, а видеомагнитофонов не было».

Группа, как положено, играла на школьных вечерах, танцах – с одобрения учителей и директора, «есть кому на танцах играть, ребята водку не пьют, хотя мы могли как раз поддавать во время репетиции, но не злоупотребляли»:

«Мы, конечно, старались аккуратненько, про подснежник, про любовь. А поскольку быстряки не были тяжеляки, тогда называлось «быстрый танец», там уже чего-нибудь такое, но, как правило, с русскими словами. На мотив песни Creedence –

«Who'll Stop the Rain» мы пели «кто остановит дождь».

Антонов – слева. У его товарища по группе – самодельная гитара. В глубине – портрет Ленина

Группе повезло: в ее составе было два человека с английским, чтобы понимать слова. Антонов говорит, что ему как раз не повезло: у него в школе выбор был между немецким и французским. Но, конечно, «было очень распространено, мы этим тоже грешили, тексты пели приблизительно».

«Мы пели «Песняров» и немножко пошел у нас в 9–10-м классе [западный рок], даже Deep Purple. В 10-м классе уже быстро пошло, у троих были магнитофоны – запись, перезапись, в 10-м мы уже знали все: Slade, Led Zeppelin, Pink Floyd».

Фотографии Beatles – отдельный дефицит в СССР, по рукам ходили

многократно переснятые карточки, на которых битлы порой едва угадывались. Но у друга Антонова папа был доктором, который иногда выезжал зарубеж «то ли отдохнуть, то ли на симпозиумы» и иногда в каком-то журнале – может, польском или венгерском – привозил битлов. «Мы их множили, перефотографировали, печатали. Помню, битлы разливают шампанское, не помню, с какого альбома».

«Прически мы отпускали, длинные волосы, бакенбарды – на пределе между битлами и требованиями учителей. У Володи, нашего лидера-гитариста и вдохновителя группы, в день выпускного вечера отец случайно встретился с директором школы, и тот сказал, «хороший парень, но уж больно лохматый ходит». Отец Володю скрутил дома и просто обстриг, как мог, ножницами. Володя не мог пойти даже на вечер – уже шел вовсю выпускной, мы пошли к нему домой, притащили его в кепке и заставили играть на гитаре».

При этом, по воспоминаниям Антонова, проникновение западного рока идеологически никакого особого «тлетворного влияния» на него и его одноклассников не оказывало:

«Я очень долго, до 1991 года, не то что в социалистический путь верил, но в какой-то более справедливый путь, чем проклятый капитализм. Сейчас я абсолютный либерал и вообще западник, но тогда я думал, что не все резервы еще исчерпаны, еще полно разгильдяйства и если подсобраться... – всякая ерунда”.

Антонов – в глубине у портрета Ленина, с бас-гитарой и в пиджаке а-ля «Битлз»

Антонов описывает систему обмена пластинками: «Мы скинулись и купили пластинку Deep Purple – Fireball за 45 рублей – безумные деньги (чтобы заработать, играли в чужой школе новогодний вечер). А если ты владеешь пластинкой, у тебя есть обменный фонд. Звонишь знакомым: «Есть Deep Purple, у тебя чего? – У меня Pink Floyd». Мы встречаемся у метро «Кунцевская», меняемся на один день, дома переписываем это на катушки, а дальше уже пошло среди людей. Потом меняешь дальше». «У нас было только по договоренности между своими. Когда в институте я учился, с 1976-го по 1981-й, там было все уже посвободнее как-то, к Олимпиаде. Студенты – более продвинутые люди, больше людей, у которых пластинки есть. Иностранцы были в общаге, из Африки, у них можно было купить Джона Леннона последнего».

В 1973 году, после школы Антонов решил поступать в институт связи, МЭИС, говорит, что выбирал, чтобы можно было «в белом халате», но без «тяжелых названий» вроде «стали и сплавов», «энергетический», а «институт связи – хорошо: телевидение,

радио», – но запорол сочинение и, поработав на заводе «Рубин» и фабрике мороженого в Филях, ушел в армию. Там тоже была группа, с которой иногда репетировали, «офицеры подходили: давай, давай»: “Помню, Шура Пилаев съездил в отпуск в Донецк к себе, вернулся, говорит: «Так, все, мы играем, я все записал». Он там наслушался у друзей-студентов. Мы играли песню Uriah Heep – July Morning офицерам, по-русски, чтобы они не погнались за тяжелой музыкой: «Паренек июньским утром на посту стоял. Небо над всходящим солнцем, по лугам туман. Но вдруг небо распахнулось, земля встала на дыбы. И тот парень с той минуты стал участником войны». Ну, нормально, офицеры слушают, ребята занимаются, все патриотично”.

Вернувшись из армии, Антонов поступил, наконец, в институт и там «пять лет оттарабанил», и горизонты у него, как он себя называет, «кунцевского провинциала», расширились: «Там студенты, там больше народу увлекается музыкой. Если прийти на «филодром» – вестибюль на втором этаже, в большую перемену, там собирался народ: «Борян, на «Машину» пойдешь?» Это значит – подпольный концерт «Машины времени». В 1977 году два рубля – хорошо. «Машина времени», «Високосное лето», Градский обязательно. Всегда в каких-то депрессивных ДК, в которых ничего не происходит никогда, а видимо, директор не прочь заработать сто или двести рублей. Каким-то образом организаторы подпольно находили такие места и продавали такие билетки смешные. На ластике вырезали МВ – «Машина времени» – и печатали. Ты идешь, у тебя такая контрамарочка. Бывало еще в кинотеатрах, редко. Помню, кинотеатр «Планета», в Матвеевском, днем, 12 часов, никого, вдруг собирается хипня, человек 400. Курят, хорошие ребята, веселые. А Макара с его дружками свинтили и отвезли в участок. А нас заперли и показывают кино, которое в афишах, я помню, «Старое ружье». Сидят 400 человек, как дураки смотрят это кино. А бывало динамо. В Одинцово куда-то приедем, полчаса пасемся в ДК, потом кто-то выходит: чуваки, билеты были левые, концерт не планировался и не будет. Это, конечно, облом».

Антонов описывает обычную студенческую жизнь того времени: слушали музыку, катались на горных лыжах – на Чегете, или даже в Москве, в Крылатском, на каких-то бесплатных подъемниках, куда никого не пускали и надо было упрашивать. Летом – в студенческих лагерях или байдарочных походах в Карелии, или на велосипедах по Прибалтике. Летом 1980-го в студенческом лагере на Азовском море от товарища услышал: «Старик, Высоцкий умер, говорят». Я говорю: «Да ладно, не верю» – не сильно эмоционально». Высоцкий, вспоминает Антонов, тогда его не особо интересовал: «Когда совсем мальчиком был, мне нравилось, что-нибудь из кинофильма «Вертикаль», когда совсем пионерами были. Но потом как-то больше нравилась более сложная музыка».

Но вот весть о гибели Леннона в декабре того же года Антонова потрясла. Он не помнит точно, откуда узнал – не из новостей советского телевидения и радио, – но весть «довольно быстро разнослась», и Антонов хранит вырезку из газеты «Труд», где было напечатано «мелко где-то на последней странице», в рубрике «На разных меридианах»: «Популярный английский композитор и исполнитель, участник широкого известного в прошлом ансамбля «Битлз» Джон Леннон был смертельно ранен минувшей ночью возле своего дома в Нью-Йорке».

ГУРАРИИ.

...осуждены возможности более тесного военного сотрудничества между двумя странами», в частности «возможность размещения в Саудовской Аравии пакистанской общевойсковой дивизии».

«В обмен на это,— пишет «Нью-Йорк таймс»,— Саудовская Аравия готова увеличить размеры финансовой помощи Пакистану с 200 млн. долларов в год до 1 млрд. долларов».

НА РАЗНЫХ МЕРИДИАНАХ

▲ Популярный английский композитор и исполнитель, участник широко известного в прошлом ансамбля «Битлз» Джон Леннон был смертельно ранен минувшей ночью возле своего дома в Нью-Йорке. Неизвестный несколько раз выстрелил в него из пистолета. Несколькими часами позже 40-летний музыкант скончался в больнице. Мотивы преступления пока не установлены.

▲ Подземный толчок силой в 6 баллов по 12-балльной шкале зарегистрирован сегодня в провинции Катандзаро на юге Италии, пострадавшей 23 ноября от сильного землетрясения. В результате нового подземного толчка некоторые дома получили повреждения.

Handwritten blue ink scribbles and signatures are present over the text, including a large signature that appears to be "И. Ю. Д. А. Ю. С. О. Г." and other illegible marks.

«Это был, конечно, шок. Потому что битлы вечные, они — памятник уже с рождения». (Хотя детские мечты, что битлы когда-то могут вновь собраться и играть вместе, к тому времени уже прошли.)

И вот тогда-то Антонов и увидел на стене в институте распечатанный на машинке листок с приглашением на митинг памяти Леннона (кому что-то говорит его имя!) – в 11 утра в воскресенье, 21 декабря, на смотровой площадке Ленинских гор. От руки на листочке была приписка: «Боящихся репрессий просим не ездить».

«В институте, где раздевалка, есть доска объявлений: кто потерял перчатки, завтра соревнования по пинг-понгу и прочее... Там висело это объявление. Был уже вечер, я уже оделся выходить, вижу такое. Мне захотелось снять его, такое оно было хорошее. Я немножко поборолся внутри себя – пусть побольше народу узнает. Но уже был вечер, институт собирались закрывать. Я думал, что не поврежу свободе и памяти Леннона, снял аккуратно и спрятал».

THE BEATLES

ВСЕМ ЛЮБИТЕЛЯМ И ПОКЛОННИКАМ МУЗЫКИ "БИТЛЗ"!

Завтра, в воскресенье, 21 декабря в 11.00 утра
на смотровой площадке Ленинских гор состоится
встреча тех, кто хочет почтить память Джона Леннона,
кому что-то говорит его имя, имя группы "Битлз".

До музыки
репрессий
процит
не забыть

Boris Antonov (Courtesy Photo)

Про возможные репрессии Антонов тоже думал, хотя над тем, чем конкретно ему может грозить такой поход, он не размышлял: «Это, конечно, добавило любопытства, азарта и страха. Я абсолютно понимал, что пахнет здесь немножко керосинчиком. Конечно, мы не думали, что там будут печень отбивать или посадят, но допускали вполне, что неприятности будут, хотя до конца не думали какие: придут менты, все разбегутся – один вариант, а другой – исключение из института. В тот вечер у какого-то парня был то ли день рождения, то ли прослушивание альбома «Стена». Собралось человек восемь и слушали. Я им сказал: «Ребята, пойдете смотреть митинг». Никто ни за что. Наверное, было просто страшно, с какой радости взять и пойти –

митинг бывает 1 мая на Красной площади. Никто из них со мной не пошел. А ко мне в гости из Запорожья приехал приятель. Я говорю: «Шура, я иду, ты как хочешь». Он говорит: «Я с тобой пойду». И мы пошли вдвоем. Там уже было полно».

На сайте Beatles.ru (где же еще?) Антонов в свое время опубликовал воспоминания о том дне вместе с объяснительной запиской:

«21 декабря в 11.30 я пришёл на Ленинские горы, где уже собралась большая толпа. Некоторые из присутствующих говорили скорбные речи о Джоне Ленноне, другие – гневные в адрес убийцы. Третьи слушали песни Леннона, кто-то пел...

Человек двести-триста стояли толпой у известного каждому москвичу гранитного барьера. Человек тридцать стояли прямо на барьере и внимательно смотрели в середину толпы. Двое из них держали большой плакат «Светлая память Джону Леннону!» ... У худого, в очках парня, явно студента, на груди плакат «IMAGINE» с четверостишьем. У многих были самодельные значки и просто приколотые фотографии Леннона. Невдалеке от основной массы народа стоял милиционер и терпеливо наблюдал за происходящим.

Один парень держал магнитофон, служивший усилителем. Другой парень, взял микрофон, снял шапку и очень взволнованно, срывающимся голосом произнёс речь, полную скорби и отчаяния. Он говорил о Ленноне как о выдающемся музыканте, борце за социальную справедливость, за права негров, за мир. Закончил он словами: «С Ленноном – навсегда!»

Митингующие энергично аплодировали, микрофон переходил из рук

в руки. И снова слышались волнующие, полные печали и скорби слова в адрес Джона, и гневные, полные презрения и ненависти в адрес вероломного убийцы – Марка Чэпмена.

Временами кто-то затягивал ленноновские песни. Все, кто знал слова, пели, не очень стройно, но честно и с отдачей, совершенно не чувствуя стеснения перед незнакомыми людьми. Снова по рукам пошёл микрофон, снова говорились недлинные, но волнующие и трогательные речи. Все они заканчивались лозунгами: «Леннон не умер!», «Навсегда с Ленноном!», «Позор убийце!» и другими...

Один парень крикнул: «Дайте миру шанс!» – и вверх взлетели руки с двумя раздвинутыми пальцами».

В ЖЖ Зигфрида Кёнигштайн фон Аморяка, «деятеля русского культурного андерграунда», говорится, что он был одним из организаторов митинга на Ленинских горах и в своей речи,

открывшей митинг, назвал Ленинские горы «Леннонскими» (а после митинга был арестован и едва не исключен из МГУ).

В тексте Дмитрия Карасюка для «Дилетант-медиа» приводятся другие воспоминания о митинге: «Одним из первых выступил студент журфака МГУ Андрей Марчик. Его однокурсник Василий Голованов запомнил эту речь примерно так: «Друзья, мы собрались здесь, чтобы почтить память нашего кумира, выдающегося певца...»»

Участником митинга был и один из будущих авторов российской конституции Олег Румянцев, тогда студент географического факультета МГУ. «Мирное собрание со свечами и песнями, полное духом очищения, было пресечено с избиениями и заламыванием рук», – приводятся воспоминания Румянцева на его сайте и говорится: это событие было переломным к тому, чтобы он стал «человеком-против-насилия».

Антонов говорит, что никакой антисоветчины на митинге не помнит:

«Я сейчас настроения речей вспоминаю, были даже нотки, что едва ли не излишняя свобода и распущенность, сопровождающие вседозволенность мира капитала, позволили такую туфту, как убийство Леннона. Леннон пел про народ. Были речи, что он любимый простыми людьми всего мира и угнетенными».

Участники митинга чувствовали за собой правду и потому, видимо, не особо опасались милиции:

«Да, нас много, все нормально, нечего вообще бояться. Такая толпа, что с ней сделаешь, не бить же. Хотя где-то мент стоял метрах в 30, поглядывал потихонечку. Видно докладывал, что все спокойно, пока они собирали оперотряд МГУ. Какие-то люди были, один или двое, не помню, похожие на западных фотографов – тогда мы одевались скромно, это видно, если человек западный, сразу видно, какая у него куртка, какой фотоаппарат, кепка (0 митинге, судя по всему, вышла статья с фотографией демонстрантов в британской газете «Дейли Телеграф». – Прим. РС). Приезжали автобусы, туристы выходили, смотрели на Москву, некоторые подходили. Зеваки подходили».

Задержания начались, когда митинг уже стихийно заканчивался и

послышались призывы организованной колонной дойти до метро – и вот тогда мирные демонстранты начали сопротивляться. Вот еще фрагмент из воспоминаний Антонова, записанных вскоре после тех событий:

«Милиция и, по слухам, члены оперотряда МГУ стали выдёргивать самых шумных и уводить к автобусу. Подбежала заплаканная девушка и сказала: «Их всех забрали!» Люди не верили своим глазам. Опыта таких ситуаций ни у кого не было. Один парень попросил майора объяснить происходящее, сославшись на некоторые права и свободы из конституции. Майор снова отговорился, что, мол, «всё нормально, расходитесь». Толпа закипела. Послышались смелые реплики в адрес милиции и особенно в адрес тех в штатском, кто совсем недавно стоял рядом, пел, изображая потрясённых поклонников, а теперь «провожает» активистов к автобусу. Уже взят парень с магнитофоном, парень с плакатом «IMAGINE», многие другие...

Народ кричал, свистел, отчаянно сопротивлялся. Трое тащили парня, которого не хотела оставлять девушка. Её грубо оттолкнули, она что-то ответила. Теперь и её совсем не по-джентльменски затолкали в автобус.

Толпа снова стала выстраиваться в колонну. Стоявшие в шеренгах, крепко взявшись за руки, выходили за пределы милицейского кордона. Когда проходили мимо автобуса с задержанными, я закричал: «Ребята, мы с вами!» Закричали ещё многие. И снова толпа, снова выдёргивают самых активных, но теперь, спасая его, на нём повисают десять человек. Всё равно берут. Вот двое в штатском вцепились в парня, который цитировал конституцию. Я не сдержался, бросился к нему и с диким криком: «Не отдадим!» схватил его за руку. Сразу же кто-то схватил и меня. Я зашипел: «Убери руки!» и стал отбиваться, обзывая его Пиночетом, шестёркой, гориллой. Вот уже вцепились

в другую руку. Я отбивался ногами, изрыгая проклятья. Интересно, что совсем не было страха, наоборот, рассвирепев и выпучив глаза, уже не думая об освобождении, я просто пытался подольше сопротивляться. Что было, конечно, бессмысленно. Мой большой тулуп придавал мне объём и массу, и мне относительно легко удавалось сбивать моих конвоиров с прямого пути на извилистые дуги и развороты назад от автобуса. Но подбежали ещё двое и стало труднее. Я продолжал брыкаться. Они давали друг другу советы – куда надавить, что заломить, куда стукнуть. И пинками затолкали-таки меня в автобус».

Когда сейчас читаешь о таком лихом поведении с сотрудниками правоохранительных органов, вспоминаются, конечно, нынешние дела об «оказании сопротивления законным требованиям сотрудника полиции». Но Антонов говорит: «Как-то такая сложилась ситуация, что нас много, их вроде мало – доколе. Мы чувствовали какую-то правоту за собой. Мы знали, что мы чисты, невинны и дело правильное. Конечно, если бы у нас обнаружили какие-то лозунги стремные, наверное, по-другому себя вели. Какой-то излом, тем более накапливалось, одного взяли,

другого, этого стукнули. Хотя они не свирепствовали абсолютно. Тем более это были в основном студенты, оперотряд МГУ, стукачи, команда такая была, чтобы порядок наводить, если что».

Задержанных долго возили по отделениям милиции, которые оказались забитыми такими же задержанными: «Мы стояли в каком-то предбаннике, теснились». У Антонова с собой был радиоприемник, он его включил – и вдруг заиграла песня Леннона Imagine. «Это был приятный шок. Нам казалось, что весь мир за нас, даже радиоволны».

Милиция, по словам Антонова, никакой враждебности не проявляла, некоторым милиционерам даже было любопытно, а кто-то из них сказал, что сам слушает битлов.

Потом у некоторых задержанных на митинге были проблемы, но, кажется, не катастрофические: «Вартану, моему другу, пришла в институт бумага, у него были неприятности, его отмазывала мама, депутат чего-то. Там разговор был: выгонять или нет, проверим успеваемость. Точно не знаю, потому что я слышал [рассказы], но лично знаю на примере только одного, что у него могли быть проблемы. Читал, что человека из института вышибли. Из тех, кого я знал, таких не было прямо проблем».

В результате этой истории Антонов познакомился с кругом хиппи, и общение с какими-то из людей, встреченными на том митинге, сохранилось надолго. Сейчас «некоторые пропали, некоторые эмигрировали. Женя Борисов – игумен скита в Оптиной пустыни».

Сам Антонов, закончив в 1981 году институт, стал фотографом: «Когда учился, понял, что это не мое – четырехэтажные дроби,

немыслимые какие-то множества, волны. А фотографией я увлекался с детства. Когда я закончил институт, мой дядя сказал: «Старик, давай работать в фотографии». Вот и все, я стал работать в фотографии».

Антонов был фотографом при НИИ, фотографировал газопроводы, ездил по стране, потом три года при дипломатической академии:

«Работа неказистая, мероприятия фотографировать, на доску почета, доску ветеранов. За границу я не ездил, потому что надо было жениться или вступить в партию, точнее, жениться, вступить в партию и закончить какие-нибудь курсы, например, завхозов или водительские. Тогда через два-три года работы в дипакадемии уезжали люди поработать в посольстве каком-нибудь, проверенные кадры. Но поскольку я не женился и в партию вступить мне было в 1986 году как-то совсем [неохота], уже в те годы выходили потихонечку. И я узнал, что бывает еще свободная фотография, Союз художников и прочее».

Тут, рассказывает Антонов, он ушел «на вольные хлеба и стал фотохудожником со своей мастерской. Реклама, гляцевые журналы».

На вопрос, был ли тот митинг толчком в сторону антисоветизма, Антонов отвечает неуверенно:

«Не могу сказать. Конечно, мы понимали, что с этой стороны у нас все жестко и нехорошо. Там уже Beatles распались, а у нас еще ни одной пластинки не издано толком. Все это мы понимали, но как-то настолько привыкли к этой ситуации, обходили ее. Нам казалось, что здесь много других возможностей. Если у нас чего-то нет, то виноваты мы, что мы не смогли заработать,

хорошо учиться. Но как-то, чтобы это сильно расшатало мое представление о вечности советской власти... Я долго, кстати, раскачивался. И в 1991 году, когда рухнуло вообще все и я ходил на митинги, я и то насчет персоны Ленина сомневался. Думал, что это противоречивая фигура, сложная, ну а как иначе, такое время. Это сейчас я понимаю, что это упыри, никаких там вариантов нет, но тогда, поскольку я в этой среде вырос, другого не видел, в отличие от гуманитариев некоторых».

Через год, в 1981 году, советские битломаны снова было попытались организовать какое-то поминовение Леннона в первую годовщину его смерти. Но тут уж власти были расторопней (есть, кстати, история, как по пути на митинг задержали и школьника Роберта Ленца, будущего вокалиста «Браво»):

«Это было любопытство. Вряд ли я бы стал там толкаться, лезть на рожон. Но я взял двух друзей, – если другие друзей возьмут, будет уже несколько тысяч человек. Но я ничего не собирался такого делать, думал, мимо пройдем. Потом опять пройдем. Нас забрали, мы не дошли до смотровой площадки метров 300–400. Подошли: «Ребята, вы куда?» – «Мы гуляем». – «Пойдемте с нами погуляем», – вспоминает Антонов.

С битломанами СССР справился.

Boris Antunovic (Courtesy Photo)